

Они помолчали некоторое время, затем вернулись к озеру, размышляя, как бы рассказать обо всём, как их господин поднялся со дна.

Глаза Цзина были ещё красными.

— Господин, — тихо позвали они.

Цзин, на удивление спокойно, сказал:

— Я убью эту лисицу.

— Господин...

— Она плохая! Она посмела желать Цзи Яна! Она должна умереть!

Они трое переглянулись, всё больше убеждаясь в правоте Сань Аня. Смотрите-ка: ни единого дурного слова о Цзи Яне, только о том, чтобы убить лисицу.

Что ж, они и сами считали, что эта лисица слишком бесстыдная. Сначала разберёмся с ней, а уж потом с Цзи Яном.

Они кивнули:

— Хорошо!

Только тогда Цзин слегка улыбнулся.

На земле уже полностью спустилась ночь. Фанфэй вышла на поиски и вскоре нашла дом той девушки.

И что же? Оказалось, семья зажиточная, поместье огромное, в пять дворов, с садами, беседками и извилистыми мостиками — ни в чём недостатка. Видно, живут очень богато. Фанфэй с презрением сказала:

— Ни в чём нужды не знают, и всё же такая девушка выросла! При всём честном народе пытается отбить чужого мужа! Тьфу!

Цзин печально произнёс:

— Потому что Цзи Ян слишком хорош. Никто не может его не любить.

— Господин...

Цзин опустил голову и тихо сказал:

— Цзи Ян плохой.

— Господин, если мы убьём эту лисицу, что потом? Раз Цзи Ян плохой, может, нам уйти? И больше никогда его не видеть?

Цзин молчал. Прошло много времени, прежде чем он ещё тише проговорил:

— Я не могу. Даже если Цзи Ян плохой.

Они трое едва не расплакались.

Фанфэй глубоко вздохнула, подумав, что, в крайнем случае, она загипнотизирует Цзи Яна! Чтобы в его сердце был только их господин! Она указала на одну из комнат:

— Господин, вон её спальня, она там.

— Угу. — Цзин поднял голову и в мгновение ока перенёлся на крышу. Едва они ступили на черепицу, как услышали плач.

Они переглянулись, а Цзин тут же просочился внутрь. Та самая лисица сидела перед зеркалом, лицо её было безжизненным, а служанка позади неё вытирала слёзы:

— Как вы могли так поступить? Ни слова не сказали, даже не посоветовались со мной. Если бы госпожа была жива, она бы разрыдалась, глядя на вас!

Цзин моргнул, уселся на туалетный столик, лицом к лицу с лисицей, и с любопытством принялся её разглядывать.

Лисица больше не была такой соблазнительной, как под вечер. Её лицо было землистым.

Служанка продолжала плакать:

— Да и как вы можете быть уверены, что князь Хуай захочет помочь? Даже если поможет, даже если господин Ли вернётся! Вы уже будете наложницей, какой в том толк?

Лишь тогда лисица криво усмехнулась и бесстрастно проговорила:

— Князь и взглянуть на меня не пожелал. Я не гожусь ему даже в наложницы.

Служанка зарыдала ещё горше:

— Госпожа, разве этот господин Ли так уж хорош? Вы готовы и честь свою погубить? У вас ведь ещё отец есть!

— Честь? — Лисица усмехнулась.

— Они пользуются тем, что отец мой болен, тем, что матери у меня нет, тем, что я слабая женщина, тем, что господин Ли честен, порядочен и образован, а сами завидуют нашему состоянию! Какая уж тут честь? Сохраню я её, засяду тут — разве господина Ли оправдают? Отец выздоровеет? Корабли наши вернуться?

Голос её внезапно сорвался:

— Разве могут?

Она обернулась к служанке, глаза её налились кровью:

— Нет.

Служанка закрыла рот ладонью и залилась горькими слезами.

— Это единственное, что я могла придумать. Я попробую ещё. Говорят, князь Хуай человек добрый, охотно помогает. Только он может мне помочь. У тех людей покровители слишком высокие, только князь Хуай может мне помочь. Говорят, он самый любимый сын императора, да ещё и от наложницы. Что мне до чести? Если господин Ли вернётся невредимым, если он

восстановит своё доброе имя, если корабли наши и лавки вернутся — что мне моя честь? Я и умереть готова.

— Ему не нужно было так поступать, это я его подвела. Сначала позарились на наше добро, отца погубили, потом на меня загляделись, принуждали меня, а господина Ли сделали козлом отпущения! Это я его подвела!

— Госпожа... — Служанка обняла её за плечи, горько рыдая.

Цзин поднял голову и посмотрел на сестёр-духов и Фанфэй. Фанфэй шагнула вперёд, сняла с волос веточку персика и взмахнула ею перед хозяйкой и служанкой.

Зрачки их застыли, и они полностью замерли.

Фанфэй материализовалась, подошла и стала задавать вопросы, на которые те отвечали.

Оказалось, эта лисица стала лисицей не по своей воле.

Звали её Ван Юэ.

Семья её занималась морской торговлей, была очень состоятельной. Родители любили друг друга, но мать рано ушла из жизни, отец не женился вновь, и они с дочерью жили вдвоём, вполне счастливо. Позже в столице нашёлся знатный господин, пожелавший прибрать к рукам этот прибыльный бизнес, и начал теснить семейство Ван. Хоть Ван и были богаты, но состояние было всего лишь первого поколения, нажитое тяжким трудом на море; связей у них не было никаких — как могли они соперничать?

Семейство Ван и не думало ссориться, они лишь просили уступить им часть прибыли. Но те хотели проглотить всё, не оставив и крохи, и подстроили ловушку её отцу.

Отец её свалился за борт; его вытащили, но он стал полоумным.

Как юная девица, выросшая в тереме, могла управлять таким огромным делом? Ван Юэ и сама не хотела идти против знатного господина, да только те не оставили её в покое — даже заметили её красоту и заговорили, что поднесут её в дар тому господину, а лавки их отобрали.

Ичжоу далёк от столицы, чиновники сменяются каждые три года, местные же тузы слишком могущественны — никто не желал ввязываться в это дело. Она даже не могла подать жалобу в ямынь. Мало того, у Ван Юэ был возлюбленный с детства, из бедной семьи, но очень способный к учению; все говорили, что он непременно сдаст экзамены на чиновника, а то и первым окажется.

В прошлом году в Ичжоу на осенних экзаменах случился скандал, и потребовалось найти козла отпущения. Корни в Ичжоу давно сгнили, чиновники покрывали друг друга.

Взятки чиновникам действительно были, и несколько человек оказались как раз теми, кто погубил семейство Ван, — убивали двух зайцев. Да и завистников у её возлюбленного хватало. Вот его и выставили виновником, отправив в столицу.

Она была в отчаянии. Слышала, что девятый князь необычайно любим императором, власть имеет. Да и сегодняшний приезд чиновника из столицы с такой пышностью укрепил её решимость. Вот она и отчаялась, поставив на свою красоту.

Даже без сознания, отвечая механически, Ван Юэ не могла сдержать слёз — они медленно стекали по её щекам.

Цзин расплакался, вытирая слёзы тыльной стороной ладони, и поднял взгляд на Нун Юэ:

— Она такая несчастная... Даже несчастнее, чем самая несчастная девушка-призрак из книг, что я читал. — Те истории были лишь вымыслом, а это происходило прямо перед ним.

— Эх, — подхватила его слёзы Нун Юэ, и Яо Юэ тоже вздохнула. — И вправду несчастная.

— Я хочу ей помочь.

Яо Юэ вытерла ему слёзы платком, и Цзин добавил:

— Пойдём, поможем ей вызволить возлюбленного.

— Хорошо, — согласились все трое.

Цзин слез с туалетного столика, подошёл к Ван Юэ и, протянув руку, вобрал в себя её слёзы.

Затем он снял с волос Фанфэй цветок персика и вставил его в причёску Ван Юэ, тихо сказав:

— Не плачь. Всё наладится. Я помогу тебе.

Глаза Ван Юэ оставались пустыми. Цзин не мог больше смотреть на неё, вздохнул и повернулся, чтобы уйти.

Служанки последовали за ним. Цзин спросил:

— А где лежит её отец?

Фанфэй поняла его намёк и сказала:

— Я мигом! — Спустя несколько мгновений она вернулась, кивнув Цзину с улыбкой. — Готово! Побоялась, как бы те не отомстили, поэтому он очнётся через три дня и будет постепенно поправляться.

Цзин расплылся в улыбке:

— Через три дня её возлюбленный уже будет спасён!

— Непременно!

Видя, как их господин улыбается, они и сами обрадовались.

Они уже собрались уходить, как Цзин снова остановился.

— Господин?

Цзин направился к резиденции князя Хуая, где только что сменили табличку, задержался у окна кабинета Цзи Яна, но в конце концов не выдержал, опустился на землю и принялся подглядывать в щёлку.

Юнь Жун вошла с чашкой чая:

— Ваша Светлость, ложитесь пораньше. Всё равно господин сегодня не вернётся.

— О, ты всё ещё дуешься?

Юнь Жун промолчала.

— Изменница.

Юнь Жун слегка рассердилась, поставила поднос на стол так, что фарфор звонко стукнулся, и сказала:

— Ваша Светлость! Что вы сегодня задумали? Вы же и взглянуть на ту девушку не пожелали, сразу ушли, зачем же было дразнить господина?

— Он не понимает, а ты что, тоже не понимаешь?

— Не понимаю! Он сегодня даже на ужин не вышел, а вы даже не пошли его утешить! А если он с голоду заболит?!

<http://bllate.org/book/15942/1425306>